

— Ого, не ожидал, что Лу Янь такой молодой! С такой-то внешностью... Эх, подайся он в актёры, точно стал бы суперзвездой. Да ещё и талантлив как бог: его «Пасть тигра» — это просто нечто! Слышал, он и сценарий сам написал. Если сегодня возьмёт награду, это будет настоящий триумф. Брат Юнь...

Цзи Бай обернулся, собираясь продолжить разговор, но осёкся. От недавней улыбки на лице Бай Муюня не осталось и следа. Он сидел напряжённо, тяжело и немигающе глядя в экран телевизора. Пальцы до белизны впились в обивку дивана, а он был охвачен вихрем чувств, которые невозможно было разгадать.

Цзи Бай никогда не видел его таким — мрачным и словно надломленным.

— Брат? Ты... что с тобой?

Бай Муюнь вздрогнул и пришёл в себя. Он попытался улыбнуться, но смотрел с ледяной пронзительностью — то ли горькая ирония, то ли глухая ярость. Он снова откинулся на спинку дивана и негромко произнёс:

— Он добился своего, исполнил мечту. Что ж, поздравляю.

— Брат, ты знаком с режиссёром Лу Янем?

— Нет, — отрезал Бай Муюнь.

«И он вряд ли хочет знать меня», — добавил он про себя.

— Брат Юнь, на тебе лица нет. Ты не заболел? — Цзи Бай с тревогой присмотрелся к актёру и потянулся было ко лбу, чтобы проверить температуру, но Бай Муюнь резким жестом отвёл его руку. — Брат, завтра же съёмки! Если плохо себя чувствуешь, не вздумай геройствовать.

— Всё в порядке. Ступай, — голос Муюня звучал сухо. — Сценарий оставь, посмотрю, как будет время.

Даже говоря это, он не отрывал взгляда от экрана. Камера уже переключилась на какую-то популярную актрису, но Бай Муюнь продолжал смотреть в пустоту телевизионного кадра, словно впад в оцепенение.

— Ну, я тогда пойду, — Цзи Бай замялся у порога. — Если что — сразу звони! Сценарий на столике.

Помощник ушёл, постоянно оборачиваясь, но Бай Муюнь этого даже не заметил. Он просмотрел церемонию до самого конца. Всё вышло предсказуемо и в то же время заслуженно:

Лу Янь взял «Золотой кипарис» за лучшую режиссуру и лучший сценарий, Чжан Кайцзянь стал лучшим актёром, а Чу Лиань, хоть и остался без статуэтки, в свои годы уже считался героем за одну лишь номинацию.

Лу Янь был гением — режиссёром от бога с уникальным чувством кадра. Бай Муюнь знал это всегда. Ему даже казалось странным, что признание пришло к Лу только в тридцать — это было чертовски поздно для такого таланта.

Церемония закончилась в одиннадцать. Бай Муюнь тут же включил повтор. Глядя на мелькающие кадры, он сам не заметил, как провалился в сон прямо на диване.

Ему приснился Лу Янь.

Лу Яню было шесть, Бай Муюню — пять.

Маленький Муюнь шёл после уроков к школьным воротам, когда заметил в тенистом углу двора кучку мальчишек. Они окружили ребёнка с тонкими, почти девичьими чертами лица. Именно эта хрупкая красота и сделала его мишенью.

— Эй, Лу Янь, ты вообще кто — девка или пацан? — ухмылялся заводи́ла.

— Лу Янь, почему ты не в юбке? В юбке ты был бы краше всех девчонок в нашем классе! — поддакнул другой.

— Ты специально таким смазливый прикинулся, чтобы к девчонкам подлизываться?

— Точно! Они только вокруг тебя и крутятся. В тебе же ни капли мужества!

— Мама говорит, таких называют «нюнями»!

Лу Янь вспыхнул, он отчаянно заспорил:

— Я не нюня! Я — мальчик!

— Не верим! Покажи, тогда поверим!

— Да, покажи!

— Что показать?

— То, что есть у всех парней!

Лу Янь, побледнев от ужаса, вцепился в свои штанишки.

— А ну, живо показывай! — мальчишки кинулись к нему, пытаясь сорвать одежду.

Он отбивался из последних сил. Он покраснелся и был готов расплакаться. Он стиснул зубы и начал беспорядочно махать кулаками и брыкаться.

— А ну, стоять! — выкрикнул Бай Муюнь. Даже в его детском голоске чувствовалась власть.

В тот миг Муюнь ощущал себя настоящим рыцарем, спасающим прекрасную даму.

Задиры опешили и замерли. Лу Янь тоже застыл, не ожидая, что кто-то придёт на помощь.

— Ты ещё кто такой? — прохрипел мелкий пакостник, подражая бандитам из кино.

— Проваливай, не твоё дело!

— Оставьте его, или я вам задам! — Бай Муюнь погрозил кулачком.

— Да неужели? А ты попробуй!

— Ну, попробуй!

— Иди сюда! — Муюнь указал на вожака.

— Сам иди! — тот в ответ лишь показал язык.

Бай Муюнь уже засучил рукава, готовый ринуться в бой, как вдруг неподалёку раздался голос его телохранителя:

— Молодой господин! Вот вы где!

— Его взрослые пришли, бежим! — недавние «бандиты», растеряв всю спесь, бросились врассыпную.

— Ты как, цел? — галантно осведомился Муюнь. Точь-в-точь как герой экрана после спасения

красавицы.

— Спасибо, — прошептал Лу Янь, хлопая длинными ресницами.

— Ты такой красивый, — невольно вырвалось у Муюня.

— Я — мальчик! — обиженно буркнул Лу Янь. — И я не нюня!

— Я знаю. Но ты всё равно красивый мальчик, — Муюнь лучезарно улыбнулся, сверкнув ровными зубками.

— Мальчикам не говорят «красивый»! Только девчонкам! — Лу Янь стоял на своём.

— А мне нравится дружить с красивыми мальчиками. Давай будем друзьями?

— Нет! Совсем не хочу! — Лу Янь, вскипев, развернулся, чтобы уйти, но Муюнь успел схватить его за руку.

— Пусти! Ты мне не нравишься! Не буду я с тобой дружить!

— Шоколадку хочешь? — Бай Муюнь выудил из кармана плитку в дорогой обёртке.

Лу Янь замер. Он мучительно колебался. Видя его сомнения, Муюнь достал два ярких леденца на палочке:

— А конфету?

—...Хочу, — сдался Лу. Такие яркие сладости он видел только по телевизору. Искушение было слишком велико.

Бай Муюнь расплылся в улыбке. Он впихнул и шоколад, и конфеты в руки новому знакомому:

— Раз взял подарок — значит, теперь мы братья навек!

Лу Янь, всё ещё немного смущаясь, тихо ответил:

— Ну ладно.

Картинка сменилась. Средняя школа.

Канун Нового года. Улицы завалены снегом, прохожих почти нет. Дома украшены фонариками, пороги усыпаны красными конфетти от хлопушек. Из окон доносится смех — пахнет праздником и уютом.

Возле виллы семьи Бай припарковано несколько дорогих машин. Лу Янь и Бай Муюнь притаились за старым деревом, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Нос и уши Лу Яня покраснели от холода, на фоне белого снега его лицо казалось фарфоровым. Он не сводил глаз с дороги.

— Эй, когда твой отец приедет?

Бай Муюнь отложил пустой мешок и накрыл ладонями уши друга:

— Скоро должны быть. Сильно замёрз?

— Холодно, конечно. Только уши мне не три, — Лу Янь сердито глянул на Муюня, который явно пользовался случаем, чтобы потискать его за уши.

— Разотру — теплее станет, — резонно возразил тот.

— Врёшь ты всё. Убери руки, щекотно же! — Лу Янь попытался высвободиться.

— Тише! Вон они, едут!

К дому медленно подкатил автомобиль. Из него вышел красивый мужчина лет тридцати пяти, следом — миловидная женщина и мальчик, который был на несколько лет младше них. Женщина взяла мужчину под руку, ребёнок вцепился в его ладонь. Образцовая, счастливая семья.

Лу Янь хотел было повернуться к другу, но Муюнь удержал его голову, заставляя смотреть на приехавших.

— Видишь? Вон тот мелкий, заносчивый щенок — наша цель.

— Вижу. Вид у него и впрямь такой, что так и подмывает врезать, — кивнул Лу Янь.

— Отлично. Объект опознан. Завтра я выманю его, и приступаем к делу, — Муюнь поднял мешок и спрятал его под пуховиком. — Сильно заметно?

Лу Янь похлопал его по животу:

— Сойдёт, почти не видно.

— Ну и ладненько. Иди домой, завтра в это же время на том же месте, — Муюнь широко улыбнулся.

— Иду.

— Смотри, не поскользнись там.

— Да знаю я!

На следующий день в памяти всё смешалось. Бай Муюнь помнил только, как они набросили мешок на его сводного брата и хорошенько проучили его. А потом сидели в уличной шашлычной, жевали мясо и пили колу с таким видом, будто они — великие герои, покорившие этот мир.

Апрель. Время, когда трава зеленеет, а воздух наполняется ароматами влажной земли и свежести.

В старшей школе Лу Янь всё так же оставался удивительно изящным, но детская мягкость ушла. Длинная чёлка касалась густых ресниц. В белоснежной рубашке и бежевом свитере он выглядел как оживший герой девичьих манг — идеальный школьный принц.

Рядом с ним стояла красивая девушка. Он держал её за руку, и вместе они казались идеальной парой.

Бай Муюнь смотрел на них, не отрывая взгляда от их переплетённых пальцев. В горле пересохло.

— Лу Янь, что это значит?

— То, что ты видишь, — Лу Янь коротко, почти незаметно улыбнулся.

Внезапно его черты в этом сне начали расплываться. Как бы Муюнь ни старался, он не мог разглядеть его лица.

— Ха-ха, вы чего это, разыгрываете меня? Бросьте эти шутки. Скоро физкультура, пойдёмте, —

Муюнь потянулся, чтобы разнять их руки, но Лу Янь отшатнулся.

— Лу Янь? — в замешательстве позвал Бай.

— Прости. Я понял, что мне нравятся девушки. Я люблю Фэйфэй. Давай расстанемся, — туманный силуэт на миг склонил голову и снова выпрямился.

— Лу Янь, ты хоть понимаешь, что несёшь? — Муюнь услышал, как его собственный голос сорвался на хрип.

— Понимаю. Прости, Сяо Бай, я пожалел о содеянном. Я осознал, что парни меня не интересуют. То, что было между нами... я просто искал новизны. Я перепутал дружбу с чем-то другим.

— Лу Янь, ты сам первый ко мне пришёл!

— Прости... Прости, я не могу больше так. Я не хочу тебя обманывать.

Муюнь рванулся вперёд и мёртвой хваткой вцепился в плечи друга.

— Ты же сам говорил, что любишь меня! Ты любишь меня! Если бы не любил — зачем тогда всё это было?! Я не верю! Ни единому твоему слову не верю!

Он с силой прижал Лу Яня к дереву, пытаясь заглянуть ему в глаза, но тот упорно смотрел в землю.

Цзинь Фэйфэй попыталась оттащить Муюня, сорвавшись на крик:

— Перестань! Отпусти его!

— Пошла вон!! — взревел Муюнь. Он был в бешенстве. Девушка испуганно отступила, но тут же снова схватила его за руку, словно боясь, что если Муюнь приложит чуть больше силы, Лу Янь просто сломается.

— Лу Янь, ты ведь лжёшь мне. Правда? — прошептал Бай дрожащим голосом.

Но следующая фраза Лу Яня вдребезги разбила все его надежды.

— Ты же знаешь... ради неё я готов был умереть.

Он говорил о том случае, когда на Цзинь Фэйфэй напали грабители. Тогда Лу Янь, не раздумывая, оттолкнул её и принял удар ножом на себя. Он едва не погиб.

Бай Муюнь бессильно опустил руки. Тот случай всегда камнем лежал у него на сердце, и теперь он наконец узнал истинную причину такого самопожертвования.

Правда, словно острый тесак, полоснула по его душе, раскроив её надвое.

Резкий звук телефонного звонка вырвал Муюня из оцепенения. Он открыл глаза, лихорадочно нашарил смартфон.

— Алло?

Голос не подчинялся. В горле саднило, голова раскалывалась, а тело то бросало в жар, то пробирало крупной дрожью. Он понял, что у него начался сильный жар.

— Брат Юнь? Ты тут? Слышишь меня? Да скажи же хоть слово! Алло? Брат? — надрывался Цзи Бай на том конце провода. От его криков головная боль стала невыносимой.

— Кажется, у меня жар. Приезжай, — прохрипел Муюнь. Голос был настолько чужим, что он сам себя не узнал.

Цзи Бай охнул:

— Боже мой, брат! Как же ты так умудрился за одну ночь? Лечу! Тебе купить чего-нибудь... ту-ту-ту...

Бай Муюнь сбросил вызов. Он попытался встать, чтобы дойти до спальни, но мир крутанулся перед глазами, и он снова рухнул на диван.

Когда Цзи Бай примчался, он застал Муюня лежащим без движения с закрытыми глазами. Решив, что тот упал в обморок, помощник в панике начал трясти его за плечи:

— Брат! Брат! Очнись, умоляю!

— Если не перестанешь... я умру прямо сейчас, — прошептал Муюнь, с трудом открыв глаза.

Цзи Бай с облегчением выдохнул:

— Ох, слава богу, ты в сознании. Я чуть с ума не сошёл.

— Почти потерял меня. Помолчи и вези меня в больницу.

— Да-да, конечно! Сейчас!

<http://bllate.org/book/18159/1751567>